

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**КАРЕН
МАК**

**ДЖЕННИФЕР
КАУФМАН**

ЛЮБОВНИЦА
ФРЕЙДА

ЭКСМО
Москва
2014

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
М 15

Karen Mack and Jennifer Kaufman

FREUD'S MISTRESS

Copyright © 2013 by Karen Mack and Jennifer Kaufman
All rights reserved including the right of reproduction in whole or
in part in any form. This edition published by arrangement with
Amy Einhorn Books, published by G.P. Putnam's Sons, a member
of Penguin Group (USA) Inc.

Перевод с английского *Е. Калявиной*

Художественный редактор *А. Стариков*

Мак К.

М 15 Любовница Фрейда / Карен Мак, Дженнифер
Кауфман ; [пер. с англ. Е. Ю. Калявиной]. — М. : Эксмо,
2014. — 416 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-70044-8

Эта история основана, как утверждают авторы, на реальных событиях. Когда в 1972 г. дочь Зигмунда Фрейда передала личную переписку отца в библиотеку Конгресса, выяснилось, что в жизни знаменитого психоаналитика была тайна. И конечно, она была связана с женщиной.

Итак, Вена, конец XIX века. Доктор Зигмунд Фрейд еще мало кому известен, а его теория подвергается насмешкам коллег. Личная жизнь Фрейда тоже безрадостна — с женой Мартой ему давно не о чем говорить.

Но как же тогда неоспоримые свидетельства, что Фрейд и его супруга вместе посещали фешенебельный швейцарский курорт и выглядели как счастливая и довольная жизнью и друг другом пара?

Не является ли это отголоском той самой тайны, которую обнаружили исследователи в письмах Фрейда?

И кто была та женщина, с которой доктор Фрейд был так счастлив?

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Калявина Е., перевод на русский
язык, 2014

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

ISBN 978-5-699-70044-8

Вена, 1895 год

Сезон самоубийств открыт.

Молодая женщина села за письменный стол у окна и обмакнула перо в черные чернила. Перо скребло бумагу, как вороний коготь. За окном висело пепельно-серое небо. С начала ноября стылый воздух пронизывал до костей, и вся ширь Дуная была устлана заплатками льда. Скоро река насквозь промерзнет и встанет до весны. Вот только на прошлой неделе в журнале «Салонблатт» писали о богатой молодой аристократке, которая в подвенечном платье и фате прыгнула на лошади с моста Кронпринца Рудольфа. Красивая кобыла камнем пошла на дно, а тело женщины вынесло на берег, окутанное белым атласным саваном.

Молодая женщина за письменным столом никогда не думала, что дойдет до такой крайности, но сейчас уповала на милосердие сестры, моля о помощи. Она закончила письмо на рассвете, когда перезвон на колокольне Святого Стефана разнесся по всему городу, запечатала конверт и положила его в почтовый ящик за дверь. Еще не раз она вспомнит этот день. Так все и началось.

Двумя днями ранее

С неба сыпал мокрый снег, но женщина бежала по бульвару без пальто и шляпы. В руках у нее был сверток, закутанный в грубые колючие одеяла, ноша сковывала движения, заставляя переваливаться с ноги на ногу. Пряди длинных мокрых волос залепляли глаза и рот, и каждые несколько минут женщине приходилось останавливаться, прижав сверток одной рукой к бедру, чтобы другой смахнуть снег с лица.

Женщина пересекла Рингштрассе — широкий, обсаженный деревьями проспект, окольцовывающий Вену, потом миновала массивные доходные дома, фасады которых отбрасывали тусклые тени на булыжную мостовую.

Непогода все усиливалась, дождь лил как из ведра. Ослепленная дождем, она упорно шла, шлепая прямо по лужам ботинками из хорошей кожи, минуя Шварценбергплац — невидимую границу между аристократией и всеми прочими. Поблизости сиял веселыми огнями ряд роскошных особняков.

Чуть раньше, в спешке, женщина не озаботилась сбегать наверх и захватить шерстяное пальто и перчатки и теперь горько жалела о своей опрометчивости. Она промерзла до костей. «Идиотка, — думала она, — и ботинки испортила».

Женщина замедлила шаг и, проскользнув в железные ворота резиденции баронессы, направилась к черному ходу. Она позвонила в ноч-

ной колокольчик, громко постучала, чертыхаясь вполголоса и раскачиваясь от нетерпения. «Да открывайте же эту чертову дверь!» У нее вдруг тупо заныло в боку под налетевшим порывом ветра, пытавшегося лишить ее равновесия. Она перекинула груз через плечо, пальцы, барабанившие в дверь, дрожали.

Когда ночная служанка наконец появилась, Минна яростно пронеслась мимо нее. «Сколько же ты копалась», — подумала она, но вслух небрежно пробормотала: «Добрый вечер» — и стала спускаться по тускло освещенной лестнице в подвал — на кухню. Минна осторожно положила сверток на лежанку около «зверюги» — громадной черной печи у судомойни.

Больное, сонное дитя выползло из-под одеяла и сидело молча, пока Минна подвигала койку ближе к печи, поправляла матрас и устраивала ребенка поудобнее под тлеющей свечой, посверкивающей на деревянной полке.

— Фройляйн Бернайс, вас зовут наверх. Госпожа звонит уже более часа, — произнесла ночная служанка, поправляя накрахмаленный чепец. — Вы уходите, а нам отдуваться... — добавила она и, тяжело вздохнув, нагнулась, чтобы подтереть грязь на ступеньках. Я сказала хозяйке, что вы пошли прогуляться, но она пропустила мимо ушей, заявила, что вы, наверное, куда-то заваялись.

— Вы же знаете, что у нас закончилась микстура для полоскания, правда, Флора?

— Да, фройляйн, — кивнула та и слабо улыбнулась, — а потом мы пошли к доктору.

— Ребенок бредит, — заметила Минна, — укройся, дорогая, тут холодно.

Откуда-то сквозило, и очень хотелось переодеться в сухое, голова раскалывалась. Минна сунула руку в карман и нащупала коричневый пакетик с порошком. Слава богу, он на месте.

Днем Минна обнаружила, что Флора в ужасном состоянии, девочка работала, но вдруг закашлялась так сильно, что не смогла удержаться на ногах и упала. Несколько раз Минна окунала беспомощно стонущую и икающую малышку в холодную воду, пытаюсь сбить лихорадку, но ничего не помогало. Ребенок был безнадежен, щечки пылали от жара, потливость усиливалась. Минна не выдержала — закутала девочку в одеяло и отправилась к врачу.

— Горло болит, — захныкала Флора, пытаясь вдохнуть, когда Минна звонила в дверь доктора.

— Врач тебя вылечит, — ответила она с уверенностью, которой на самом деле не ощущала. — Ты из домочадцев баронессы, очень важная персона.

В дверном проеме появился пожилой господин, утиравший усы льняной салфеткой. Минна заметила женщину за обеденным столом, из комнаты пахло вареной говядиной и вином.

— Господин доктор, моя хозяйка, баронесса Вольф, желает, чтобы вы немедленно осмотрели ребенка. Она очень обеспокоена.

Доктор заколебался на мгновение, но Минна, на дав ему опомниться, стала перечислять симптомы болезни ребенка: лихорадка, кашель, тошнота, потеря аппетита. Не было оснований не верить ей. Даже без пальто и в испачканной грязью одежде она была элегантной женщиной — гибкая и стройная, с прямой спиной, гладкой кожей и безупречной дикцией. Кроме того, лгала она убедительно.

— Уж не скарлатина ли? — спросила Минна, когда врач вел ее к себе в кабинет.

— Неизвестная инфекция, — заключил он после осмотра. — Постельный режим месяц, по крайней мере... менять белье дважды в неделю... леденцы от болей в горле и «Героин Байера» от кашля...

Минна слушала, кивая и понимая, что в доме у баронессы советами доктора будет невозможно воспользоваться. И как ей вообще пришло в голову, что она сумеет выкрутиться? Все ее дни, вечера и даже воскресенья принадлежали баронессе. От нее ожидалось услаждение всех прихотей хозяйки, и промедление означало немедленное увольнение.

Рассуждая о назначениях доктора, Минна пощупала липкий лоб Флоры.

— Не уходи, — растерянно сказала девочка, голос у нее был хриплый и натужный.

В десять лет Флора выглядела всего на шесть, она вцепилась в юбку Минны, предчувствуя разлуку. Минна дала девочке две ложки липкого, сладко пахнущего сиропа и что-то про-

шептала на ухо. Малышка легла и отвернулась к стене.

Под пристальным взглядом ночной служанки Минна заколола несколько мокрых прядей в маленький узел, многозначительно обтерла каблуки тряпкой и покинула кухню. Она вскарабкалась по узкой лестнице, прошла через переднюю с мраморным полом и помчалась по сводчатому коридору, освещенному заграничными электрическими лампами. Задержалась на секунду у малинового салона, перевела дух и тихо постучала.

— Войдите, — отозвался голос.

Святая святых баронессы выглядела так, будто туда в жизни никто не входил, — дорогие, тяжелые кресла и диваны, обитые камчатной тканью с турецким узором, витражные тени, персидские ковры и коллекционный фарфор: фигурки мопсов, пуделей и экзотических птиц. Чаша с лилиями на инкрустированном столике в углу возле окна, а на письменном столе — серебряное блюдо с кексами к чаю и белоснежными бутербродами. Внешне Минна была спокойна, но щеки горели и сердце бешено колотилось, словно она только что разбила ценную вазу. Кроме того, запах печеного напомнил ей, что с утра у нее не было во рту ни крошки.

— Добрый вечер, баронесса.

— О тебе ходят разговоры, — неожиданно произнесла та томным и рафинированным голосом. Затянутая в мучительный корсет, она сидела, изучая Минну взглядом, который мог

бы освежевать кролика. — Хочешь знать, что о тебе говорят? О твоих особенностях — постоянном чтении книг, прогулках и прочем. О том, с чем я мирюсь, претерпевая большие неудобства, и чего пытаюсь не замечать. Ты опоздала. Где ты была?

— Ходила в аптеку. Флора больна.

— Ты думаешь, я не заметила? — усмехнулась баронесса, жестом подзывая ее сесть напротив.

Минна колебалась. Юбка была еще влажной и могла оставить следы на изысканной обивке. Она осторожно села с краю, отодвинув шелковые подушки.

— Я же не чудовище, в конце концов. На прошлой неделе я сама велела кухарке каждый день давать малышке камфару.

«Это было первое и единственное благодеяние, которое баронесса когда-либо совершила для этой девочки», — подумала Минна.

Несчастную Флору наняли в деревне для поденной работы в огромном барочном особняке. Даже тогда девочка выглядела худенькой и бледной, слишком слабой для такой службы. У нее были соломенного цвета волосы, светло-карие глаза, большую часть дня она проводила в кухонном подвале, задыхаясь в густых черных облаках испарений и дыма. Ей приходилось не только скоблить котел, чистить камин, но и драить кастрюли и мыть уборные. Ночью Минна часто видела, как девочка плачет в подушку.

— Камфара оказалась бесполезной. Она нуждается...

Баронесса подняла палец, прервав ее.

— Здесь я решаю, когда мои слуги нуждаются в лекарствах. И кстати, когда у меня на прошлой неделе была ангина, я не заметила, чтобы ты бегала в аптеку ради меня.

Повисла напряженная тишина, пока баронесса поправляла бахромчатые подушки на диване в стиле ампир.

— Замечу, что мне никогда не везло с прислугой, я редко нанимаю людей из Второго округа, но у тебя были очень хорошие рекомендации...

Минна не возражала. Она никогда не жила в Леопольдштадте — во Втором округе, где обосновалось большинство зажиточных венских евреев, но жало антисемитизма часто язвило и ее. Еще в детстве, в школе, она порой мстила преследовавшим ее обидчикам и однажды ударила мальчика так сильно, что у него пошла носом кровь. Став старше, Минна поняла, что лучше игнорировать подонков, хотя каждый раз чувствовала холодок в затылке, слыша оскорбления.

— Уверяю вас, меня заботило лишь состояние ребенка, — ответила Минна тихим, но твердым тоном.

— Тебя должна заботить только твоя работа. Ты моя компаньонка. И, насколько я понимаю, у тебя нет медицинской подготовки.

— Есть. Я работала у доктора в Ингольштадте.

— Как его зовут? — скептически спросила баронесса.

— Доктор Франкенштейн, — беспечно брякнула Минна.

Баронесса смотрела на Минну, потом лукаво улыбнулась, оценив шутку, встала и прошла к камину, чтобы взять корзинку для шитья.

— Ладно, — смягчилась она, — ты должна извиниться, прежде чем мы продолжим.

— Прошу прощения, — произнесла Минна, но без особой искренности.

— Извинение принято, — кивнула хозяйка, — так или иначе, девочка вечно хворает. Слабая и чахоточная.

Баронесса посмотрела в зеркало над каминной полкой и коснулась волос, тщательно зачесанных на макушку.

— Что ты думаешь об этой прическе? Как у Клары. На той неделе в Императорском дворце она была причесана именно так.

— Вам идет, — ответила Минна, глядя на нелепый начес в стиле помпадур и думая, что вряд ли кто-нибудь удержится от смеха, смотря на это убожество.

— Отлично, тогда я так и буду ходить. — Баронесса откинулась на спинку дивана, держа рукоделие на коленях.

Темнело за окном, и в комнате сгущались тени. Слабый стук лошадиных копыт и шуршание колес по брусчатке проникали за тяжелые шторы, драпированные полукруглыми складками, иногда были слышны голоса слуг, эхом

разносившиеся по коридорам. Руки баронессы, гладкие, белые, быстро сновали по канве пасторальной сценки, которую она вышивала. Бледная зелень, сочное лиловое небо и пастушок, стерегущий стадо.

Преодолев два лестничных пролета до своей комнаты, Минна быстро стянула с себя мокрую муслиновую юбку, фланелевый подъюбник, шерстяные чулки и расстегнула двадцать пуговиц на белой хлопковой рубашке. Корсет ужасно сдавливал ребра, и Минна с наслаждением вдохнула и выдохнула, распустив шнуровку и бросив на пол это орудие пытки. Ей надо было просохнуть, а то она уже начинала попахивать мокрой псиной. В комнате было темно, соответственно ее настроению, стены — цвета мышьячной зелени. Надев ночную рубашку, Минна отнесла свечу к туалетному столику, за ней следовала ее тень. Она откинула голову и стала расчесывать густые медно-каштановые волосы, собирая их гребнем. В юности Минна тщательно ухаживала за волосами и высоким, стройным телом. Но с годами тщеславия поубавилось. Черты лица и линия шеи по-прежнему были изящны и тонки, но даже при свете свечи были заметны легкие тени под глазами.

Кто бы мог подумать, что, дожив почти до тридцати лет, ей придется стоять и молча выслушивать нотации молодой женщины — своей ровесницы, которая чуть не уморила бедного ребенка, как собаку? Минна могла бы выйти замуж, как ее сестра Марта, если бы жизнь

пошла по-другому, если бы отец не разорился и не упал замертво на улице, да если бы не умер жених...

Что толку опять возвращаться к прошлому? Минна уже давно ни от кого не зависела. Никто из родственников не мог ей помочь — у Марты большая семья, брат Эли женился и уехал, так что выбор у нее небогатый: компаньонка или гувернантка. Она прокладывала свой путь в этом мире, и, похоже, скоро ей снова в дорогу.

Минна закутала плечи шалью и обхватила себя руками крепче. Она устала. И затылок болел. Она прошла на балкон и взглянула на север.

«Хорошо бы глоток джина, — подумала Мина. — Но и сигарета сойдет». Она прикурила тонкую турецкую папироску, одну из тех, что прятала в нижнем ящике шкафа. Ливень, затишье, опустился мрак. Минна сделала глубокую затяжку.

Часто поздно ночью, когда все обязанности были выполнены, Минна читала до тех пор, пока огонек свечи не утонул в лужице воска. Значительная часть жалованья уходила на книги, но это были не светские романы о служанках, блудящих в мансардах, и господах с похотливыми глазами. И не бесконечно скучные мемуары из серии «помни меня» читала она, пока не начинали слезиться глаза. Нет, Минна избрала серьезные произведения, преодолевая «Французскую революцию» Томаса